

В. С. Бузин

ТРАДИЦИОННЫЙ ВЫПАС СКОТА НА ТАМБОВЩИНЕ (РАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Резюме

Данная статья посвящена рациональному аспекту традиционного выпаса скота на Тамбовщине. Ее основой послужили материалы, собранные в середине 1990-х гг., во время полевых практик студентов кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета, проводившихся под руководством автора в Тамбовской области. Понятие «традиционное» применительно к этим материалам вполне оправданно, поскольку и после коллективизации содержание личного скота колхозников и характер его выпаса не претерпели существенных изменений. Это подтверждается и приводимыми в статье дореволюционными материалами по традиции выпаса скота в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Основой методической базы исследования послужили приемы сравнительно-исторического анализа при учете экологического своеобразия различных территорий Тамбовщины. Для выпаса «мирского» стада нанимался пастух, письменный договор с которым завершался *могарычом*. Пастухи были обычно местными, а если и пришлыми, то из недалеко расположенных селений. Для каждого вида животных были свои пастухи, в зависимости от количества голов в стаде — иногда с подпаском. Выпас продолжался от появления подножного корма до окончательного выпадения снега. Оплата труда пастухов эволюционировала от комбинированной — продуктами и деньгами — и посезонной к преимущественно денежной и помесячной. Кроме того, по определенным дням пастухи имели право совершать обход хозяев с получением от них продуктов питания. «Орудием труда» пастуха был кнут, иногда рожок, о каких-то других особенностях его снаряжения и одежды данных не получено. В статье представлены также данные о других особенностях местного выпаса скота. Собранные материалы показали, что особенности выпаса в некоторой степени определялись экологической спецификой. При выпасе в лесу, в отличие от открытых пространств, меньше был размер стада, здесь не пасли овец и коз, именно здесь пастух для сбора животных использовал рожок.

Ключевые слова: пастушество, русские, Тамбовщина, рациональный аспект, специфика выпаса

Vladimir S. Buzin

TRADITIONAL CATTLE GRAZING IN THE TAMBOV REGION (THE PRACTICAL ASPECT)

Abstract

The study of the practical aspect of traditional cattle grazing in the Tambov region is based on materials collected in the mid-1990s during field practices carried out by students of the Department of Ethnography and Anthropology of St. Petersburg State University under the supervision of the author of the article. It is quite justified to call the recorded practices “traditional” since breeding and grazing of private livestock by collective farmers did not change significantly even after collectivization. This is confirmed by the pre-revolutionary materials on the tradition of cattle grazing in the Kirsanovsky District (*uezd*) of Tambov Province cited in the article. This study employs the methods of comparative historical analysis but also take into account the unique features of the natural environment of various parts of the Tambov region. To graze its herd, a community hired a shepherd, made a written contract with him and confirmed it with a drink treat (*magarych*). The shepherds were usually local or from nearby villages. Each type of animal had its own shepherds. Depending on the size, a herd could have one or two shepherds, who were sometimes assisted by a shepherd boy. Grazing continued from the appearance of fresh grass in spring until the appearance of a permanent snow cover. Over time, the remuneration of shepherds changed from a combination of food and money to a mainly monetary one and shifted from a seasonal to a monthly schedule. Additionally, on certain days, the shepherd had the right to visit the cattle owners in order to get food from them. The shepherd was equipped with a whip and sometimes also had a horn. No information of any other features of his equipment and clothing was gathered. The article presents data on local peculiarities of cattle grazing. The collected materials show that to a certain extent, local differences were determined by the characteristics of the environment. When grazing in the forest, the size of the herd was smaller than on open pastures, sheep and goats were not grazed in the forest, and the shepherd used a horn there to gather animals.

Keywords: pastoral culture, Russians, Tambov region, practical aspect, specifics of grazing

DOI 10.31860/2712-7591-2021-2-88-107

Традиционному русскому пастушеству посвящено немало публикаций, и, как правило, акцент в них делается на обрядовой стороне этого вида профессиональной деятельности, действительно более эффективной по сравнению с ее рутинной повседневной стороной. Данная работа посвящена именно последнему аспекту, связанному с выпасом, определяемому также как рациональный. Обрядности тамбовского пастушества автор уделил внимание в специальной статье [Бужин, с. 95–99]. Отметим, что рациональный

аспект в значительной мере определял и характер пастушеской обрядности. Основные материалы по теме были получены в ходе полевых исследований Тамбовского этнографического отряда кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, работавшего под руководством автора в 1995 и 1997 гг. в Моршанском и Тамбовском районах Тамбовской области. В Тамбовском районе работы проводились в пос. Тихий Угол, в Моршанском ими было охвачено значительное число населенных пунктов, примыкающих к р. Цна, — Красный, Кресты, Благодатка, Рысли и др. По причине того, что в полевых исследованиях участвовали не имевшие опыта такой работы студенты-практиканты, ими не всегда записывались полные данные по информаторам — фамилии, имена и отчества и годы рождения, а кроме того, некоторые из информаторов сообщать их отказывались. При написании статьи использовались также данные рукописи по истории села Тихий Угол местного жителя А. Т. Растяпина¹ и сведения из статей В. Бондаренко по Кирсановскому уезду конца XIX в. Поскольку основной материал, фигурирующий в данной статье, был собран в относительно недавнее время, то, естественно, встает вопрос, насколько он соотносится с определением «традиционное». В конце 1920-х гг. насаждение колхозного строя приводит к значительным разрушениям бытовавшего дотоле хозяйственного уклада русского (конечно, не только его) крестьянства, в том числе и в сфере животноводства. Недаром наши информаторы старших возрастов четко различали два периода в жизни деревни — «до колхозов» и после их формирования. Однако что касается содержания личного скота колхозников, в том числе характера его выпаса, они не претерпели существенных изменений, поэтому о них вполне можно говорить именно как о «традиционных».

Видовой состав живности, которая содержалась в личных хозяйствах, мало чем отличался от того, что был характерен для «доколхозных» времен: основным животным была корова, выращивали мелкий рогатый скот — овец и коз, разводили свиней и птицу — кур, гусей, уток, индеек. Лошади при создании колхозов обобществлялись, во время наших полевых исследований они уже появлялись в личных хозяйствах (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Куропятников)².

¹ Рукопись не озаглавлена, сразу идет текст, в преамбуле говорится, что автор хочет рассказать о событиях, которые происходили в его родном селении, начиная их описание с 1930-х гг. Этнографического материала рукопись почти не содержит. Хранилась у дочери А. Т. Растяпина, к тому времени покойного.

² В статье использованы полевые материалы автора (ПМА):

ПМА 1. Экспедиция в Тамбовский р-н Тамбовской обл. Июль 1995 г. (информанты: В. Д. Гаврилов, 1928 г. р.; Люда).

Для традиционного русского животноводства было характерно в основном стойлово-выгонное содержание скота, и Тамбовщина в этом отношении не была исключением. В холодное время скот содержится круглосуточно в помещениях, обычно с общим названием *клев / хлев*, иногда с определением «телячий», «коровий», помещение для овец называлось *овчарня / катух*, для свиней — *свинарник*. В «доперестроечные» времена лошади были только колхозные и содержались отдельно в конюшнях, они выпасались, как и колхозные коровы, отдельно (ПМА 1: Люда; ПМА 2: Трегубов, Трегубова).

В теплый период года скот содержится на подножном корму. Выпасают коров и лошадей, а там, где есть открытое пастбище (*выгон*), — овец и коз. Свиньи находятся в свинарнике круглосуточно. Лошадей выпасали ночью, с ними на выпас отправлялись взрослые и дети, в Заречье украдкой от лесоохраны лошадей ночью пасли в лесу (из рукописи А. Т. Растяпина). В местной терминологии выпас называется *гонять* (скотину). Было четкое деление двух стад — частное («мирское», «общественное») и колхозное. Нами собирался материал по выпасу «общественного» стада, но, поскольку в личных хозяйствах сейчас лошадей почти не держат, далее приведены некоторые данные по выпасу колхозных лошадей.

В одном населенном пункте могло быть два частных стада, что объяснялось разными причинами. Например, значительным числом хозяйств, когда стадо образовывалось большое и пастухам трудно было уследить за таким количеством животных. В других случаях причиной могло быть разное социальное положение хозяев. Так, в пос. Тихий Угол часть сельчан не состояла в колхозе, поэтому им не полагалось пастбище в пойме и их скотина отдельным стадом паслась в лесу. Не пасли вместе коров и овец даже при небольшом количестве животных, потому что коровы овец не любят, бьют их, соответственно, были «коровьи» и «овечьи» пастухи. Присмотр за телятами должен был быть постоянным, поскольку сами от волков они отбиться не могут. Поэтому в начале осени их пускали в общее стадо, где телят защищали взрослые коровы, или их пасли отдельно сами хозяева (ПМА 1: Гаврилов).

Нанимало пастуха — это называлось «*на сельские табуны*» — «общество», в колхозное время таковым фактически стало собрание колхозников. В качестве времени найма пастуха были указаны две даты — *Бла-*

ПМА 2. Экспедиция в Моршанский р-н Тамбовской обл. Июль 1997 г. (информанты: В. Г. Хайдуков; А. Е. Трегубов, 1934 г. р.; А. Г. Трегубова, 1940 г. р.; Е. И. Сычев, 1924 г. р.; Куропятников, 1926 г. р.; А. Ф. Рулева, 1928 г. р.; «Тетя Параша»; А. В. Огородников; А. С. Заточин; Ганя Борисовна; Т. А. Перегудов, 1926 г. р.; П. И. Рогулин, 1936 г. р.; Пашкин, 1930 г. р.; Королев И. И., 1940 г. р.).

говещенье (7 апреля; даты даются по новому стилю) и *Вербена* (Вербное воскресенье). Пастух сам мог «объявить» о своем желании пасти скот, или его приглашали специально. Иногда пастух ходил по деревням и предлагал свои услуги. Видимо, предложение могло превышать спрос, и он старался опередить конкурентов. Пастух мог быть из своей деревни («местный») или из другой, иногда относительно дальней. Так, в Благодатке пастухи были в основном местные или из недалеко находящейся Михайловки (ПМА 2: Рулева, «Тетя Параша»). Но в пос. Красный скот долгое время *гонял* пастух из с. Карели, что в 12–15 км от места его работы, а пастуху из той же Благодатки приходилось пасти скот в с. Серповое — в 15 км от дома (ПМА 2: Хайдуков, Рулева).

«Общество» для решения разных вопросов, в том числе и для найма пастуха, собиралось на «сходки» в традиционном для этого месте. В Новотомникове они происходили в читальне, в Носинах — на открытом месте, в Благодатке местом сбора был *Крючок* — небольшой переулочек от центральной улицы (ПМА 2: Заточин, Рулева). Участвовали в сходках мужчины и женщины. Предлагалась кандидатура пастуха, иногда было несколько претендентов. Одобрив ее, участники кричали: «Желаем, найдем!» Важным на «сходке» был вопрос оплаты — по сколько с головы? Старались, конечно, нанять пастуха подешевле, но могли взять того, который брал дороже, но хорошо зарекомендовал себя в прошлом (ПМА 1: Гаврилов).

При положительном решении вопроса о его найме пастух «подносил» *могорыч* — водку или самогонку мужчинам-хозяевам («грамм по сто мужикам — много не пили»). «На круг» могло выйти ящик водки или две-три банки самогона. Очевидно, таким образом пастух предотвращал расторжение договора: выпить вино (как и во время свадебного «запоя») означало решить дело окончательно, и своим «даром» он морально повязывал «общество». А «общество», чтобы удержать пастуха от ухода в сезон выпаса, могло применять такой иезуитский прием: пастуху платили не за тот месяц, который он только что отработал, а за месяц, предшествующий ему. Например, в начале июля платили не за июнь, а еще только за май. В конце сезона он, естественно, получал сполна (ПМА 1: Гаврилов).

В ходе полевых исследований выяснилось, что важным фактором, сказывающимся на особенностях выпаса скота, является характер местности. В этом отношении довольно четко выделяются две экологические зоны: левобережная часть Приценья, где скот выпасается на открытых пространствах — в пойме реки или на надпойменных террасах (местное название — *горы*), вторая — правый берег р. Цны, вдоль которого идет довольно широкий лесной массив, где по большей части и производится выпас животных.

В непосредственно приречной зоне стадо обычно *гоняют* в пойму р. Цны, если это пастбище истощается, то могут использовать другое — за рекой, коровы могут переплывать туда через водное пространство. Овечье стадо в д. Княжево пасется на *горах* (надпойменные террасы р. Цны), потому что овцы хорошо ходят по склонам возвышенностей (ПМА 2: Заточин). Еще одно место выпаса овец — на парах, где очень питательный корм. После уборки урожая овец, а иногда и коров могут пасти «по жнитвам». В лесной зоне, где до поймы далеко, коров приходится выпасать в лесу. Овец в лесу пасти нельзя из-за опасности нападения волков (корова и лошадь могут от них отбиваться до прихода на помощь пастуха), поэтому в лесной зоне их пасли только там, где были открытые выгоны, например в с. Благодатка. Но здесь выгона хватало только для овечьего стада, поэтому коров пасли в лесу. В пос. Тихий Угол было два коровьих стада: с Цветочного *порядка* (улицы) стадо *гоняли* «на луг», то есть в пойму р. Цны, а с Лесного — в лес, потому что жители его работали в лесничестве, а не в колхозе, и пастбища им не полагалось (ПМА 2: Рулева; ПМА 1: Гаврилов, Лида).

Численность животных в стаде нашими информаторами указывалась различная: так, в коровьем могло быть от 37 до 250 голов. При большом стаде пастухов могло быть двое-трое, иерархии среди них не существовало — они «были ровня», но в других случаях у «коренного» пастуха был подпасок, часто его сын-подросток (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Заточин, Ганя Борисовна).

Раздельные цифры по численности выпасаемого скота на открытом выгоне и в лесу представлены следующим образом.

В Новотомникове, Княжеве и Носинах, где пасли скот на открытых пространствах, размер коровьего стада колебался в пределах 100–250 голов (в последнем случае это были коровы с подтелками, и при них было два-три пастуха). Размер стада определял количество пастухов при нем. Стадо в 100 голов *гонял* один пастух с подпаском, на 200 животных приходилось два пастуха и подпасок. В 1972 г. в «общественном» стаде д. Носины было 225 коров на трех пастухов, утром они вместе выгоняли скот, поскольку было три *взгона* (частей села, с которых коров собирали в одно стадо). Потом один уходил отдыхать, это был его выходной день. Но если погода была плохая, он выходил вечером встречать стадо, чтобы вовремя пригнать его в село. В Тихом Углу пастух, который пас коров в пойме, имел в стаде примерно 150 голов, пас он их вместе с женой (ПМА 2: Ганя Борисовна; ПМА 1: Рогулин, Гаврилов).

Теперь о данных по лесной зоне. В послевоенные годы в пос. Химзавод пастух пас стадо в 140 коров, в пастьбе ему помогали дети. Затем размер

стада стал сокращаться, оно уменьшилось до 80 голов, его пас один пастух. В 1997 г. в стаде у пастуха пос. Кресты было 37 коров, в 1996 г. — 42 коровы; он рассказывал, что у них пасли и по 70 голов в стаде. В Благодатке пастух-информатор *гонял* коров с напарником или с подпаском — подростком 15—16 лет. Его отдавали в подпаски родные, с пастухом они договаривались о плате. В стаде было с молодняком 90—100 коров (но был на памяти информатора случай, когда пастух пас всего 42 коровы), и это количество надо пасти вдвоем, чтобы уследить за разбредаящимся в лесу стадом. Сначала в селе было одно стадо, потом животных стало больше, и пришлось пасти два стада, примерно по 70 голов. Жители Благодатки указывали, что стадо здесь было до 100 и более коров, и пастух находил себе напарника или брал подпаска (ПМА 2: Куропятников, Огородников, Рулева, Пашкин).

В поселении правого берега р. Цны Альдия, состоящего фактически из трех деревень — Старотомниково, Заводская и Лесная, — было два стада, при каждом по два пастуха. Были здесь и овечьи пастухи, они *гоняли* по одному. К сожалению, экология выпаса стада — открытое пространство или лес — не была уточнена (ПМА 2: Сычев).

Приведенные цифры говорят о том, что численность коровьего стада при выпасе на открытом пространстве была значительно больше, чем при выпасе в лесу. Но на одного пастуха приходилось почти одинаковое количество животных — до 60—70, может быть, чуть меньшим оно было в лесной зоне. Небольшой размер стада в последние годы объясняется общим уменьшением численности сельского населения.

Овец и коз (они паслись вместе) в стаде тоже могло быть разное количество. Указывалась цифра до 400 овец с козами, но уточнялось, что овец должно быть не более 150. Объяснялось это тем, что козы лучше подчиняются человеку, пастух направляет их движение, а овцы следуют за ними. Другая цифра несколько противоречит предыдущему утверждению: в стаде было 150—200 племенных овец и еще ягнята. В Новотомниково в 1972 г. на каждое овечье стадо приходилось 125—150 овец, и стад было несколько — свое на каждой улице, потому что, как объяснял информатор, «овца — тупая» и с ней трудно управиться (ПМА 2: Ганя Борисовна).

Лошади, по выражению одного из информаторов, были «государственные» (строго говоря, колхозно-кооперативные), их пасли так называемые *табунщики* в две-три смены, в табуне было с жеребьятами (*подсосышами* и *отъемышами*) до 80 голов. Отдельно пасли племенных лошадей под присмотром верхового табунщика (ПМА 2: Заточин).

Начало сезона выпаса определялось погодными условиями — «когда трава выйдет». В некоторых случаях информаторами без уточнения года ука-

зывалась переходящая дата — *Вербная, Пасха, Красная горка*, — определить которую, конечно, невозможно. Нами зафиксированы такие сроки начала выпаса: 9, 20 апреля, в 1997 г. пасли с 24 апреля, самые поздние даты приходились на начало мая: так, в Новотомникове в 1974 г. начали *гонять* 2 мая, а в 1994 г. — 6 мая. Только в одном случае (Носины) было указано, что скот надо выгонять с *Егория*, то есть с 6 мая, при этом выполнялась определенная обрядность (ПМА 2: Перегудов, Рогулин).

Заканчивался выпас часто с выпадением снега, о чем сообщали наши информаторы, то же утверждается в рукописи А. Т. Растяпина и в статье В. Бондаренко (см. ниже). Однако если вскоре устанавливалась теплая погода и снег таял, то выпас мог продолжаться (примерно до начала декабря), иногда уже без пастуха. Но время завершения выпаса могло определяться не погодными условиями, а местными традициями. Так, в Благодатке он продолжался «до заговенья» на Рождественский (Филиппов) пост, приходящийся на 28 ноября. При этом пастух бросал работу, даже если не было снега. Однако с некоторыми пастухами хозяева договаривались продолжать выпас, оплачивая ему каждый день работы (ПМА 2: Рулева). В Новотомникове и Тихом Углу (в этом селении пастух *гонял* коров до Филиппова заговенья) при возобновлении выпаса проводились перевыборы пастуха, при этом могли пригласить и нового человека. В качестве дня завершения выпаса однажды был указан *Михайлов день* — 21 ноября (известно, что эта дата могла определяться общерусской традицией завершать в этот день пастьбу скота [Усов, с. 395]), в другом случае фигурировали «октябрьские» праздники (7–8 ноября), в 1995 г. пасли до 4 ноября, в 1996 г. выпас продолжался с 27 апреля до 3 декабря (ПМА 2: Ганя Борисовна, Заточин; ПМА 1: Гаврилов). В целом можно отметить, что начало выпаса определялось природными условиями в данном году, а на завершение могла влиять и местная традиция.

Дневная продолжительность выпаса определяется световым временем суток. В начале сезона стадо пасется целый день, но когда появляется *нуда* (оводы, слепни, комары), его пригоняют на обед в деревню. В это время хозяйки доят коров, потом животные отдыхают. В разгар лета коров выгоняют часа в 3–4 утра, пасут до 9–10 часов и гонят домой. При выпасе в лесу старались утром выгнать стадо даже раньше, потому что в лесу нет ветра и кровососущие насекомые донимают скот больше. Поэтому их пригоняют в деревню раньше, уже в 8 часов утра. Снова гонят коров на пастбище в 3 часа пополудни и пасут дотемна, летом часов до 9–10 вечера. С августа пасут уже без перерыва до вечера, потому что *нуда* начинает исчезать. Корова может тогда не прийти домой вечером, остаться в лесу на ночь, потом животное

отыскивают, но у него «перегорает» («пересыхает») молоко. В ноябре время выпаса продолжается с 7 часов утра до 4 часов вечера (ПМА 1: Гаврилов).

Лошадей, а все они были колхозными, на день разбирали *в наряд* — по работам. Молодняк содержался в *варке* — огороженном жердями пространстве. На пастбище лошадей выгоняли ночью, при них были пастухи, и пасти было сложно, особенно осенью, когда ночи становились темными. При стаде лошадей был *табуңцик* — так называли жеребца³, он ходил вокруг стада и охранял его, потому что «хорошо волка чует». Если появлялся волк, то лошади становились в круг, а молодняк находился в середине этого круга (ПМА 1: Гаврилов).

Большинство пастухов своей специальностью не обучались: «Взял палку, да и гоняешь». Многие из них *гоняли* один-два года, потом оставляли это занятие, но некоторые сызмальства в подпасах постигали азы пастушьего ремесла и потом занимались им профессионально. Были пастухи с большими сроками работы. Так, наш информатор из Благодатки *гонял* коров почти без перерыва 12 лет только в своем селе, а также пас много лет скотину и в других деревнях. Начал он пасти скот с 9 лет и сначала был помощником отцу. Он же сообщил, что в их селе «овечий» пастух *отгонял* 25 лет, а в с. Серповое, расположенном неподалеку, пастух работал 21 год «кряду» (ПМА 2: Пашкин).

По утверждению наших информаторов, становиться пастухом заставляли нужда («шел в пастухи самый бедный человек») или отсутствие квалификации, которая могла дать достойный заработок. Пастухом мог стать колхозник в своей деревне, потому что в самом колхозе работали «за палочки». Иногда колхозное «начальство» могло отпустить человека в пастухи, чтобы он «вздохнул», то есть поправил свое материальное положение.

В снаряжении современного пастуха традиционных черт сохранилось не много. Конечно, совершенно изменилась его одежда; утверждалось, что «в старину» скот пасли в лаптях, а то и босиком. Отчасти черты традиционности сохраняются в наборе его орудий, причем можно отметить различие снаряжения пастуха-профессионала и человека, для которого эта работа была только коротким эпизодом в биографии. В «профессиональный» набор входили кнут, палка-посох, нож, у овечьего пастуха — ружье, чтобы отбиться от волков, в лесной зоне использовался рожок. Кнут непрофессионала делался довольно простым — к «черенку» (рукояти) крепилась веревка или полоска кожи длиной около 2 м, сейчас для этого используются вентиляторные ремни от тракторов и комбайнов. Но у профессионального пастуха кнут

³ Так назывался и конный пастух при лошадях.

сложнее — двухметровый вентиляторный ремень крепится к рукояти, для красоты в месте соединения делаются *махорики* — бахрома из узких полосок кожи. Ремень дополняется сыромятным ремешком длиной около 1,5 м, к концу которого для того, чтобы производить хлопающий звук, привязывается раздвоенная плетеная веревочка — *хвостец*. Он раньше делался из сыромяти, но ее нужно смазывать дегтем, чтобы не впитывала влагу, — мокрая кожа «щелкать» не будет. Поэтому сейчас *хвостец* делается из синтетики. Звук *хвостца* предназначен хозяйкам, если они «заспались» утром, как сигнал, что надо доить коров и выгонять животных со двора. Щелканьем кнута пастух также собирал стадо в конце дня (ПМА 2: П.И. Рогулин, Пашкин; ПМА 1: Гаврилов).

У профессионального пастуха из пос. Тихий Угол В. Д. Гаврилова автору довелось увидеть кнут, представляющий по сложности и тщательности отделки его составных частей подлинное произведение прикладного искусства. Общая длина его составляет около 6 м. Рукоять, длиной 60 см, была сделана из вяза; хозяин пояснил, что может также использоваться осина, но не дуб, потому что он тяжел. К ней гвоздиками был прибит и дополнительно примотан изоляционной лентой *подстропальник* — двухслойный кожаный ремешок. Он вставлен в металлическое кольцо диаметром 4–5 см, к которому в три ряда прикреплены *махры* — узкие полоски кожи из голенищ старых сапог и ботинок общей длиной 40 см. Внутри *махров* проходит кожаный ремешок, металлическим кольцом он соединяется с «плетью», круглой в сечении, диаметром примерно 3 см и длиной около 70 см, сплетенной из 8 полосок сыромятной кожи. К ней были прикреплены «столбовые» ремни длиной примерно 1,8 м и шириной 2 см в 2 и 3 слоя кожи, редко прошитые узенькой полоской сыромяти. К ремням был привязан *подхвостник* из узкого однослойного ремешка длиной около 1,2 м, а к нему — *хвостец* из синтетической веревочки длиной примерно 30 см, почти на середине она была перевязана узлом и имела раздвоенный конец. Этот кнут хозяин купил у пастуха в расположенном неподалеку с. Черняное. Известно, что он к концу кнута привязывал камушек и охотился им на лис, что свидетельствует о точности удара.

Об уважении пастухов к своему основному орудью труда говорит поговорка, приведенная одним из них: «*Кнут не мяучит, а добру учит*» (ПМА 2: Огородников). Пастух мог отбиться кнутом от злого быка, в то время как от волка надо отбиваться палкой, так как кнут хищник перехватывает зубами. Один пастух-информатор рассказывал, как однажды утром он в тумане гнал стадо и встретил односельчан, которые предупредили: «Берегись, к тебе гость (волк. — В. Б.) идет». Пастух побежал вперед и палкой у волка «из зубов» отбил овцу (ПМА 1: Гаврилов).

Как уже говорилось, выделяются два типа организации выпаса скота на Тамбовщине: лесной и на открытых пространствах. Первый был более трудным: животных надо было держать вместе, не давать им разбредаться, отбившихся от стада в лесу найти сложнее; наконец, в лесной чащобе большей была угроза нападения хищника. Для облегчения поиска в лесной зоне на шею выпасаемых животных вешали колоколец, местное название его — *балбан* / *болтень* / *болтунок*. Он делался из меди, имел цилиндрическую или иную форму, например, трапециевидную, внутри него крепился железный язычок. Вешали *балбан* не только коровам, но и лошадям. На июнь и июль с коров *балбан* могли снимать, потому что они сами из-за большого количества оводов и комаров шли домой, *балбан* же, по утверждению информаторов, им надоедал. Однако под осень его вешали обязательно (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Огородников).

Пригнав стадо в лес, пастух шел за бредущими коровами. Когда ему надо было поесть, он зажигал в лесу костер, чтобы его не донимала *нуда*. Значительная протяженность дневного маршрута была одной из трудностей профессии: «Сколько за день отмахнешься!» (то есть пройдешь). А постоянно перемещаться было обязательно: корма в лесу меньше, чем на открытом пастбище, и задача пастуха заключалась в том, чтобы хорошо накормить животных и чтобы коровы давали много молока. Если удои были низкие, то хозяйки обижались и устраивали скандалы. Однако в жару из-за *нуды* коровы дают молока меньше, и пастуха в низких удоях хозяева не обвиняют (ПМА 1: Гаврилов).

Умение требовалось пастуху при сборе животных в лесу, когда вечером он «заворачивал» стадо к деревне. Сигнал для сбора подавался голосом: «Я им шумну, они и придут», — или щелканьем кнута. По словам информаторов, некогда для этой цели в лесной зоне употреблялся рожок. Иногда для «заворачивания» коров использовалась собака, но не у всех пастухов она была, поскольку требовала специальной дрессировки и стоила дорого: как выразился один информатор, «не укупишь». Когда пастух гнал животных в деревню, количество их не пересчитывал, а зрительно определял, все ли на месте: «Двести штук будь — все равно знаю». Всех животных в стаде он знал по приметам, ориентируясь в основном на масть; объяснялось это так: «Приглядываешься». Но иногда случались ошибки: пастух, считая, что животные все в стаде, пригонял его в деревню, но тут одна из хозяек заявляла, что ее коровы нет. Тогда он шел ее искать, иногда вместе с владельцами. Не всегда животное находили сразу, особенно осенью, когда коровы намеренно оставались в лесу («по грибам бегали») и могли ночевать там две-три ночи. Утверждалось, что «сами по себе» они пропасть не могли, но была

опасность в том, что в лесу оставшуюся без присмотра корову мог загрызть волк (ПМА 1: Гаврилов).

В первые дни выпаса, когда подножного корма мало, скот в основном ест *скороду* — похожую на осоку траву, которая остается зеленой и под снегом. Потом в пищу идут молодая трава, листья, крушина — растение с черной ягодой. Коровы очень любят грибы и хорошо их находят — там, где прошло стадо, грибов нет, хотя иногда травятся насмерть мухоморами. Впрочем, один пастух уверял, что коровы хорошо разбираются в грибах: не только ядовитых, но и червивых есть не будут. Коровы идут свободно куда хотят, место выпаса «на дню сто раз надо менять». Они любят есть рябину, дикие яблоки, их пастух «натрясает» специально, чтобы коровы задержались на месте и он мог отдохнуть, едят «колючки», ветки, идут кормиться на луга к реке Цне (ПМА 2: Хайдуков). Однако пастись на открытых лугах им, по утверждению одного из пастухов-информаторов, не очень хорошо, там их «заедает» мошка, а в лесу комара и овода сбивают с коров ветки (ПМА 2: Огородников). Другие пастухи, наоборот, утверждали, что на открытом пастбище *нуду* от животных отгоняет ветер, а в лесу насекомым ветер не мешает (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Куропятников).

Пастух должен был хорошо знать об опасностях, которые грозят животным, особенно при выпасе стада в лесу. Главная опасность в лесной зоне и в гораздо меньшей степени на открытом пастбище исходила от волков. Защитой от них служило уже само присутствие при стаде пастуха. Информаторы утверждали, что волк человека «чует» и не нападает на животных. Если коровы чувствуют близость волка, то они собираются «в кучу». Пастухи говорили, что летом волки опасны только для телят, на корову они не рискуют нападать, потому что в ране, если корова ее нанесет волку рогом, заводятся черви и хищник погибает. Волки нападают на корову обычно не в одиночку. Во время нападения они корову *кружат*, то есть ходят вокруг и стараются напасть сзади. В этом случае волк старается схватить корову за хвост и тащить, чтобы она упала и можно было броситься ей на шею. Корова могла попасть в трясины, и пастух знал, что ее надо вытаскивать лошадью, привязав за шею, но не за рога, потому что они находятся недалеко от мозга и в случае их поломки корова может погибнуть. За рога пастух брался, если надо корову удержать на месте. Были случаи, когда во время выпаса корова начинала телиться, и пастух должен был принять теленка (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Куропятников).

У профессионального пастуха было чувство единства со стадом. Наши информаторы высоко отзывались об умственных способностях коров (в отличие от овец), утверждали, что каждая имеет свой индивидуальный

характер. Так, одна любит идти впереди стада, другая — сбоку, некоторые специально отбиваются. Пастухи выделяли среди животных своего стада «хороших» и «вредных». Пастух знал, например, что на одну корову можно прикрикнуть, а на другую — нет, потому что она тогда все будет делать наперекор. В некоторых ситуациях коровы помогали пастуху. Они хорошо ориентируются в лесу, а это очень важно в пасмурную погоду или в туман, когда нет возможности найти дорогу по солнцу. Тогда пастух идет за коровами, поскольку уверен, что они сами выведут его к деревне. Об умении коров ориентироваться говорит случай, когда корова через год после того, как ее продали, пришла к старым хозяевам в другую деревню за 15 км, или тот факт, что если пастух «запивал», то хозяева выгоняли коров в лес, где они паслись без присмотра и сами приходили домой (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Заточин, Куропятников).

Пастух перед сезоном выпаса заключал договор с хозяевами об оплате труда, он оформлялся в письменной форме. Известно, что в дореволюционной деревне такой договор был устным; определить, когда произошел переход к письменному соглашению, трудно. В оценке оплаты мнения пастухов расходились. Некоторые заявляли об ее недостаточности, но эти утверждения, как правило, принадлежали людям, которые *гоняли* скот недолгий срок; они и оставили эту работу, потому что вознаграждение казалось им не соответствующим тяжести труда. Профессионалы, наоборот, утверждали, что оплата, за исключением послевоенных лет, была высокой. Жена одного из них демонстративно указала на свой «каменный», то есть кирпичный, дом — показатель зажиточности у местного населения: «Все на эти деньги построено» (ПМА 2: Рулева). Немаловажно, что вознаграждение труда пастуха, естественно, сравнивалось с получаемым в колхозе — очень низким. Если пастухов при стаде было несколько, то у взрослых пастухов оплата была одинаковая. При болезни кого-то из них его работу выполняли остальные, им шла плата заболевшего. Подпасок при «коренном» пастухе, обычно подросток, часто сын пастуха, получал примерно половину вознаграждения взрослого (ПМА 1: Гаврилов, ПМА 2: Трегубов, Трегубова, Куропятников).

Оплата труда пастухов менялась с течением времени от комбинированной — продуктами и деньгами — и посезонной к сугубо денежной и помесячной. Были и варианты: например, деньгами пастух получал помесячно, а продуктами — в конце сезона.

Сначала платили за «лето», то есть за весь сезон. Когда произошел переход к помесячной выплате, информаторы указать не могли. Вознаграждение, конечно, варьировалось в разных деревнях, но вряд ли эти различия

были значительными. Приведем некоторые зафиксированные нами данные. Во время Великой Отечественной войны за сезон за выпас коровы (вне зависимости от количества пастухов) платили пуд хлеба, меру (20 кг) картофеля и 10—20 руб. деньгами. В послевоенные годы пастуху платили по пуду муки с головы (коровы) «за лето», то есть за сезон, а также «две кошелки картошки» и два пуда сена, потому что у этого пастуха была своя корова, а косить ему было некогда. В оплату входила и какая-то денежная сумма, но размер ее информатор не помнил.

В 1950-х гг. происходит переход от натурально-денежной к преимущественно денежной оплате, тогда за корову платили 2—3 кг зерна, ведро картофеля и 25 рублей. Затем плата становится помесечной и выраженной в денежной форме, она дополнялась кормлением пастуха хозяевами и полученными во время *обходов* (см. ниже) продуктами. Сразу после денежной реформы 1961 г. платили по 1,50—2,00 руб. за корову; таким образом, пастух мог зарабатывать до 300 руб. в месяц. Так, в 1964 г. оплата составляла 1,70 руб. за корову и 1,30 руб. за овцу, в 1972 г. у «коровьего» пастуха — по 3 руб. с головы в месяц. В 1997 г. одному из наших информаторов платили 8 тыс. руб. с головы в месяц. При помесечной оплате она высчитывалась точно по дням. Если месяц был неполным, например в начале выпаса или в конце его или в случае запоя пастуха, ему платили за конкретное отработанное число дней. Обговоренное вознаграждение было выше за счет кормления пастуха в домах хозяев, и обязательно — горячей пищей, а также предоставления ему жилой площади («квартиры»), если он был не местный. Вдобавок пастуху положено было давать продукты с собой на выпас, их было обычно настолько много, что часть оставалась.

Оплата дополнялась, и довольно существенно, сбором продуктов и денег во время *обходов* пастухами хозяев по определенным дням. Традиция эта широко распространена и в других районах проживания русских, в частности, на Русском Севере [Щепанская, с. 167]. Дни *обхода* различались в разных деревнях. Так, в Новотомникове перед началом сезона выпаса пастух ходил по дворам переписывать скотину, которую он должен был пасти. При этом полагалось давать ему определенное количество яиц с головы: «Наберешь, бывало, ведра два!» Иногда кроме яиц давали деньги — была указана сумма в 20 коп. (после реформы 1961 г.) (ПМА 2: Перегудов). В Тихом Углу пастух через месяц после начала выпаса обходил дворы, собирая деньги — «на кнут», «на плащ», «на сапоги», «на *могорыч*», размер этой оплаты был определен в договоре. Понятно, что кнут, плащ, сапоги ему требовались уже с первого дня выпаса, месячный же срок, видимо, обусловлен тем, что пастух должен был зарекомендовать себя хорошей работой (ПМА 1: Гаврилов).

Некоторые дни *обхода* приурочивались к календарным праздникам. Среди них нашими информаторами указывались Пасха или *Красная горка* (если сезон выпаса начинался после Пасхи), когда пришедшему в дом пастуху давали крашенные яйца (одни информаторы утверждали, что по два с хозяйства, другие — что по два с головы, третьи — что давали «от души», то есть кто сколько захочет). В Благодатке пастух ходил собирать яйца на Троицу, ему давали их в зависимости от количества коров в данном хозяйстве — одно или два. В Рыслях пастуху положено было давать яйца во время первого выгона стада. Но самым распространенным был рождественский *обход*, когда «коровьи» и «овечьи» пастухи получали угощение за так называемое *засевание*. Пастух еще до рассвета заходил в дом очередного хозяина, становился в сенях перед открытыми дверями, а напротив, в переднем углу, становились «бабы», он бросал через все помещение несколько горстей зерен, женщины их ловили в поднятые подола (зерна потом подсыпали в семена), пастух произносил формулу: «*На сеvuщую, на грядущую, на кудрявый хвост, хозяин прост*» или «*Коровкам телиться, теляточкам водиться, третий — на здоровье*». Ему давали хлеб, пироги, блины, яйца. Кстати, последние представляли особую ценность, так как кур держали мало (ПМА 2: Королев). В Новотомникове пастух при рождественском *обходе* даже не ходил, а ездил на так называемой *бестарке* — санях со специальным ящиком, в котором возили зерно, поскольку продуктов он получал много. В Тихом Углу на Рождество пастух обходил хозяев с *кормовой кошелкой*, она была больших размеров, так как в ней носили сено. В нее он складывал даваемые ему хозяйками продукты: печеный хлеб, блины и т. д., корзину он наполнял ими доверху (ПМА 1: Гаврилов). Но традиция рождественского *обхода* не была повсеместной, она отсутствовала в пос. Красный (ПМА 2: Хайдуков).

В оплату труда пастуха входило также предоставление ему «квартиры», если он был «чужой», то есть из другой деревни. По договоренности он мог весь сезон жить у кого-то из хозяев, за это их животных пас бесплатно. Но в большинстве случаев «чужой» пастух ночевал у владельцев скота по очереди. По очереди полагалось кормить пастуха; обычно в том доме, где ночевал в данный день, он завтракал и ужинал, а если днем пригонял стадо в деревню, то и обедал. В большинстве случаев кормили и «своего» пастуха, то есть односельчанина, но иногда он должен был питаться за свой счет. Ночевал и кормился пастух в том или ином доме в зависимости от того, сколько животных из этого хозяйства он пас: например, если две коровы, то два дня (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Трегубов, Трегубова, Куропятников). Его старались накормить как можно лучше, приходилось слышать заявления: «Такого

не было, чтобы пастух на еду жаловался»; или, по словам другой хозяйки: «Как на убой, мужей так не кормили» (ПМА 1: Люда; ПМА 2: Трегубова).

Эти заявления хозяев подтверждали во время опросов и сами пастухи. Исключение составляли послевоенные тяжелые годы, когда голодно жилось всем. Хозяйка дома, в котором ночевал и кормился пастух, утром и вечером могла «поднести ему сто грамм» водки или самогонки или дать бутылку вина. Если пастух не приходил на обед в деревню, то в доме, где он питался, «собирали сумку». Сама сумка принадлежала пастуху, хозяева в нее клали свои продукты: хлеб, картофель, молоко, яйца, *ветчину* (соленое свиное сало), в жару — квас, в холодное время иногда спиртное, чтобы «угреться», и т. д. Один из информаторов сказал, что однажды туда положили целого «сготовленного» петуха. Редко, но бывали и конфликты из-за того, что хозяева, по мнению пастуха, покормили его плохо. Недовольный этим, он мог «ославить», или «прокатить», их на всю деревню. Так, когда одному пастуху «плохо» «собрали сумку», он привязал ее к рогам коровы этих хозяев, она так и пришла с пастбища в деревню. Обиженный хозяевами пастух мог загнать стадо «на голый ток», где нет корма, тогда удои значительно уменьшались. Но обычно он был заинтересован в сытости животных, не только из-за нареканий хозяев, но и потому, что накормленные коровы лежат или перемещаются медленно, а голодные — быстро, и пастуху с ними хлопотно (ПМА 1: Гаврилов, Люда; ПМА 2: Трегубов, Трегубова, Заточин).

Относительно высокий заработок пастуха вполне оправдывался тяжестью его труда, на которую жаловались все наши информаторы-пастухи: «Дождь, *сивер* (ветер. — В. Б.), намокнешь, а все равно стой»; или: «Стоит пастух, как китайский часовой» (ПМА 1: Гаврилов). Снег, дождь, град, понижающий ветер, жара, *нуда*, короткий сон (в разгар лета ночью пастух спал не более часа) требовали больших затрат здоровья. Один наш информатор — профессиональный пастух, гордый зажиточностью своего хозяйства, в то же время с горечью сказал, что его сотоварищи, которые начинали работу вместе с ним, уже давно «поумирали». К физическим добавлялись моральные трудности — одиночество, отчужденность от «мира», постоянное ожидание конфликтов с хозяевами (ПМА 1: Гаврилов; ПМА 2: Куропятников).

Конфликты возникали по самым разным поводам. Например, пастух припозднился утром — хозяйки коров подоили и выгнали за ворота, а он еще не успел позавтракать. Или он рано, по их мнению, пригнал стадо вечером, хотя рвущуюся домой из-за *нуды* скотину удержать невозможно. Еще один повод для конфликта: пастух пригнал стадо после утреннего выпаса, хозяйки коров быстро подоили и требуют, чтобы он снова гнал стадо на пастбище,

а он еще не пообедал. Хозяева могли сетовать на низость удоев — значит, пастух плохо коров кормит, — а на самом деле корм в этом году мог быть плохим. Обижалась та или иная хозяйка, что ее корова дает молока немного, а причина могла быть в малой продуктивности этого животного. У коровы появились синяки — пастух побил, — а он иначе со строптивым животным не мог справиться. Падеж животных во время выпаса мог рассматриваться как вина пастуха: он должен был, например, платить за павшую корову, но среди хозяев мог быть организован сбор денег на эту выплату. Напряженное нервное состояние не оставляло пастуха и после работы: «Пригонишь стадо в деревню и ждешь, что сейчас придет какая-нибудь хозяйка и скажет, что ее коровы нет» (ПМА 1: Гаврилов).

Пастухи жаловались на пренебрежительное к ним отношение: «Пастухов не считали (за полноценных людей)», «Пастух — самый последний человек на деревне» (ПМА 2: Заточин). Низкий социальный статус пастуха — явление в России повсеместное. Вся сложность его положения прекрасно выражена в записанной во время наших работ поговорке, которая явно создана в этой профессиональной среде: «*Пастух перед Богом — святой, а перед народом — проклятой*» (ПМА 1: Гаврилов).

Справедливости ради надо сказать, что в ряде случаев нарекания хозяев были оправданны, чаще всего по традиционному поводу — пастухи «запивали». Тогда хозяева либо отпускали животных на вольный выпас, либо пасли стадо по очереди, что представляло немалую трудность при выпасе в лесу — там нужны были специфические навыки, особенно при сборе стада для пригона в деревню. Проштрафившегося пастуха увольняли, а если оставляли, то удерживали из зарплаты за прогулы. Еще одна причина для недовольства пастухом — коров доит, за это обычно его выгоняли. Обиды обоюдного характера были постоянными, что нередко вызывало смену пастуха в новом сезоне, а иногда и до окончания его. Несмотря на относительно высокую оплату труда, многие пастухи, *погоняв* сезон, вообще оставляли это занятие. В настоящее время хозяева личного скота пасут стадо по очереди. Правда, в некоторых населенных пунктах есть пастухи, но для большинства из них это случайная, временная профессия (ПМА 2: Заточин, Ганя Борисовна, Трегубов, Трегубова).

Интересно сравнить материалы Тамбовского этнографического отряда по пастушеству с приводимыми В. Бондаренко данными конца XIX в. по Кирсановскому уезду Тамбовской губернии (его территория входит сейчас в состав современной Тамбовской области).

Пастухов в селении нанимала каждая сотня хозяйств — одного для коров и свиней (про выпас свиней, тем более вместе с коровами, в современных

материалах информация отсутствует), другого — для овец. Жеребят держали вместе с лошадьми на дворах, и потому пастух к ним не нанимался. В пастухи обычно не нанимали дряхлых стариков, пришлых, бездомных и мальчиков, поскольку они не могли гарантировать сохранности стада, по замечанию автора статьи, «ни лично, ни имущественно». Предпочитали приглашать тех, кто пас скот уже несколько лет и приобрел в этом деле навык, кроме того, имел хоть небольшое хозяйство. Овец пастух пас без помощника или нанимал за свой счет подпаска-мальчика за плату 8 руб. за лето; он наравне с пастухом пользовался готовым содержанием от хозяев. В подпаски брали обычно подростка, неспособного к физической работе, ему поручали пастьбу свиней под наблюдением главного пастуха, который стерег коров. Как отмечал В. Бондаренко, «обращение пастуха с подпаском не отличается особенною гуманностью: побои и брань заурядны» [Бондаренко 1890b, с. 24].

Договор производился со всеми домохозяевами на улице, под открытым небом, и не сопровождался никакими обрядами. В знак заключения договора совершалось рукобитие. Пастуху давался задаток — как правило, три рубля, и выставлялись обоюдные *могарычи* — по полведра с пастуха и с крестьян. О сроках пастьбы во время договора речи не шло, поскольку они были определены «исстари»: «от снега до снега», то есть «с Егорья и до Покрова» (не совсем понятная информация; как поступали, если снег таял на время или ложился окончательно в другие сроки?). Перед первым выгоном никакого особого торжества «вроде молебна» не производилось [Бондаренко 1890b, с. 22].

Плата пастухам, которая называлась *пастушное*, составляла 45 коп. с *череды* — некой условной единицы, состоящей из одной коровы, или теленка, или пяти свиней, или пяти овец. Таким образом, пять свиней или пять овец приравнивались к одной корове, а одна свинья или овца составляла пятую часть *череды*. Оплата производилась наличными деньгами, которые собирались весной и осенью с каждого дома по числу *череда* особо выбираемым сборщиком, затем он производил все расчеты с пастухами. Существовало правило, что если скотина будет пастись не все лето, то плата за нее все равно будет взиматься полностью. Не было, как отметил В. Бондаренко, практики вознаграждения вместо денег натурой, овцами и другим скотом или отдачей части приплода (видимо, у него была информация о таких формах расчета в других местах). Пастух не имел таких прав, как езда на крестьянских лошадях, получение доли при дележе шерсти и употребление молока от животных, которых он пас. Кроме оплаты пастухам во время выпаса полагалось «содержание», то есть кормление поочередно в домах хозяев по одному дню за одну *череда*. Например, если в доме было *две череды*, то кормить его

должны были два дня. Дополнительно пастухи четыре раза за лето — перед выгоном, в день Иоанна Богослова весеннего, Иоанна Богослова осеннего и на Рождество — собирали с крестьян по пирогу, по чашке соли и по паре или по две яиц [Бондаренко 1890b, с. 22–23].

Обязанность пастуха заключалась в выборе места с хорошим кормом на пастбище и в охране стада. Рано утром он выгонял скот из села, где в каждом дворе его выпускали из *клетей*, а вечером он только пригонял животных в селение, а там они расходились и загонялись домой уже хозяйками. Как отмечал автор, не было обычая, чтобы пастух трубил в рог, играл песни на рожке «и прочее», «атрибутом власти и значения пастуха является один длинный кнут» [Бондаренко 1890b, с. 23].

При своевольных отлучках и загулах пастуха хозяева ограничивались только нареканиями, но за утерянную, утонувшую, «попорченную», зарезанную волком скотину он должен был выплачивать половину стоимости животного, это называлось «грех пополам». Однако случаи пропажи были очень редки. Если утерянная скотина отыскивалась вне сельского поля, то половина расходов, какие были сделаны, оплачивал пастух. За потраву он нес полную ответственность и освобождался от взыскания только в том случае, если представлял доказательства невозможности предотвратить ее [Бондаренко 1890b, с. 23–24].

Отмечено, что «особой касты, чем-либо отличающейся от крестьян, про которую существовали бы особые поговорки, прибаутки, рассказы и поверья о колдовстве, союзе с лешим и т. п., — пастухи здесь не составляют» [Бондаренко 1890b, с. 24].

Хищения скота, очевидно, не были частым явлением, по крайней мере, наши информаторы об этом не упоминали. В. Бондаренко писал о конокрадстве, но как о редком явлении. Однако его информаторы говорили, что в свое время оно было бичом для местного населения. Конокрады были известны, и перед ними «трепетали, унижались и кланялись». Если конокрад приходил на пирушку, хозяин с поклоном встречал его у дверей, гости вставали из-за стола и кланялись ему в свою очередь, место ему предоставляли самое почетное — в углу под образами. Если такой «гость» был доволен приемом, он при выходе говорил хозяину: «Ну, теперь спокойно штаны снимай», то есть обещал тем самым в этом хозяйстве лошадей не воровать. Такие посещения превращались в некое подобие дани, наложенной на владельцев скота. Иногда вор сам являлся к обокраденному хозяину и предлагал «отыскать» похищенную лошадь за половину ее стоимости. При этом, по утверждению В. Бондаренко, к саморасправе и убийству вора крестьяне никогда не прибегали [Бондаренко 1890a, с. 83].

Сравнение собранных Тамбовским этнографическим отрядом материалов с содержащимися в статье В. Бондаренко сведениями — при вековом разрыве между ними — позволяет сделать вывод, что различия весьма незначительны. Правда, утверждение В. Бондаренко о полном отсутствии обрядности выпаса, по крайней мере в Кирсановском уезде, может показаться сомнительным. Однако справедливости ради надо сказать, что на Тамбовщине она, действительно, была выражена очень слабо, поскольку при небольшой облесенности местности риск потери животного при выпасе был минимальным.

В настоящее же время фигура пастуха исчезает из повседневности русской деревни: при резком сокращении численности содержащегося на подворьях скота происходит переход к поочередному его выпасу хозяевами.

Литература

- Бондаренко 1890а — *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губ. // Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 62–84.
- Бондаренко 1890б — *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губ. // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 1–24.
- Бужин — *Бужин В. С.* Традиционная животноводческая обрядность Тамбовщины (по материалам полевых исследований 90-х годов) // *Евразия: Сквозь века / Отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов.* СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. С. 95–99.
- Усов — *Усов В. В.* Русский народный православный календарь. М.: Изд. дом «Малые и средние предприятия», 1997. Т. 2. 576 с.
- Щепанская — *Щепанская Т. Б.* «Знание» пастуха в связи с его статусом (севернорусская традиция XIX — начала XX в.) // *Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики / Отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов.* Л.: Наука, 1986. С. 165–171.

References

- Bondarenko, V. (1890). 'Ocherki Kirsanovskogo uezda Tambovskoi gubernii', *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 62–84; 4, 1–24.
- Buzin, V. S. (2001). 'Traditsionnaya zhivotnovodcheskaya obryadnost' Tambovshchiny (po materialam polevykh issledovaniy 90-kh godov)', in: I. Ya. Froyanov, S. N. Astakhov, eds. *Evrasiya: Skvoz' veka*. St.-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 95–99.
- Usov, V. V. (1997). *Russkii narodnyi pravoslavnyi kalendar'*. Moscow: Izdatel'skii Dom "Malye i srednie predpriyatiya". Vol. 2. 576 p.
- Shchepanskaya, T. B. (1986). "'Znanie" pastukha v svyazi s ego statusom (severnorrusskaya traditsiya XIX — nachala XX veka)", in: T. A. Bernshtam, K. V. Chistov, eds. *Russkii Sever: Problemy etnokul'turnoi istorii, etnografii i fol'kloristiki*. Leningrad: Nauka, 165–171.